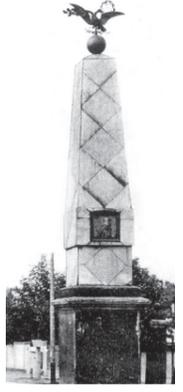

ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Правда для правды, а не для красоты!
(Фёдор Достоевский)

ИМЕЕТСЯ ВОЗРАСТНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ: ДАННОЕ ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ
ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ (16+)

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
Пермской краевой общественной организации Союза писателей России
при поддержке Министерства культуры Пермского края

№ 3 (41)
13 октября 2021 года

[родина]

4 НОЯБРЯ — ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА! ВСТРЕЧАЕМ ПРАЗДНИК С ПОЭЗИЕЙ.

Владимир РАДКЕВИЧ
(1927–1987), Союз
писателей СССР, г. Пермь

ВМЕСТЕ МЫ — РОССИЯ

УРАЛ

Отсюда, с горного Урала,
Ко славе страстию дыша,
Россия руки простирала
И шла на бреги Иртыша.
Для славы той, не для богатства,
В трудах надсаживая грудь,
Здесь не купцы, а рудознатцы
В тайгу прокладывали путь...
И ныне так же, как и прежде —
Хотя от всех границ вдали —
Урал остался порубежьем,
Опорой матери-Земли.
В тайге, за ржавые болотца,
За гребни скал и глыбы льда
Бесстрашно, как землепроходцы,
Идут на Север города.
Край дальних, трудных расстояний!
Во мгле нахмуренных ночей —
То вспышки северных сияний,
То вспышки доменных печей.
Рассвет над новою Россией
Здесь в каждом новом деле жил,
Рождён раскованною силой
Земных и человеческих жил.

Недаром мощью исполина,
В поту, в огнях, в лесах стропил,
Две части света воедино
Урал навек собой скрепил!

Я — СУРАЛА

Как в сон, как в омут, падал я в Москву,
Она с меня провинцию стирала.
А на вопрос привычный — где живу? —
Я отвечал, что родиной с Урала.
Да так ли это важно, где живешь?
Но мне вниманье выказать старались
Не потому, что чем-то был хорош,
А просто потому, что я — уралец.
Была Москва щедрой и широкой.
При мне с какой-то непонятной лаской
Одни припоминали Ермака,
Другие — корпус танковый уральский.
Мы, люди, все немножечко родня,
Будь из Калуги ты, будь из Казани.
И не было причины на меня
Глядеть, как на ожившее сказанье.
Я забывал в Москве, где день, где ночь.
Был старомоден, словно фикус в кадке.
Чрезмерно буен. До вина охоч.
Имелись и другие недостатки.
Но даже в эти каверзные дни
Во мне самом, скорбь и согревая,
Горели Мотовилихины огни
И подступала к сердцу Чусовая!
Я понимал, что надо жить не так,
А по другому, правильному компасу,
Хотя бы потому, что я — земляк
И Ермаку, и танковому корпусу.
В мартепах сталь вскипала добела,
И я хотел во что бы то ни стало,
Чтоб и моя поэзия была
Частицей уральского металла.

Пусть жизнь меня течением несет
В объятия к людям,
к горю их, к веселью.
Поэт — как дерево.
Он только так растёт:
Ветвями — к солнцу,
а корнями — в землю.
Ты ранним солнцем Землю обними!
Не потому ли так она красива,
Что мы живём —
в Москве или в Перми —
Лишь для неё, а вместе мы — Россия!
Уралец ты? С Уралом будь един.
Пусть он тебя на прочность испытает.
Пусть Кама из разгневанных глубин
Заводы и поэзию питает.

***

В каждой сосенке сердцем узнав,
Расскажи мне, седой Урал,
Где, в какой богатырской кузне
Ты природу свою ковал?
Как ты выдумал эти горы,
Синим лесом покрытые сплошь?
Почему на заре в озёра
Ты металл расплавленный льёшь?
А за Камой в ночи недалёкой
Тяжкий молот всё бьёт и бьёт.
Так ударит по наковальне —
Только звёзды под небосвод!
Сталеваром будь иль поэтом —
Только жить тебе суждено
С этим пламенем, с этим светом,
С этой молнией заодно.
И в тебе найдёт продолженье
И тайга, и речной простор,
И магнитное притяженье
Этих древних железных гор.

Алексей МАЛЫЦЕВ
Союз писателей России,
г. Пермь

КУДА ИЗ РОССИИ УЕДЕШЬ?

***

Куда из России уедешь?
Куда убежишь от берёз?
Где складывал «аз», «буки», «веди»,
Где сам, как берёзонька, рос.

Где в поле бродил на рассвете,
Холодным туманом дыша...
Где лик на иконе так светел,
Что сразу светлеет душа.

Здесь русское наше наследие,
Хватает в нём крови и слёз.
Куда из России уедешь?
Куда убежишь от берёз?

ТОННЕЛЬ РОССИИ

В предчувствии близкой беды
Листовой тополя зашумели...
Состав растворился в тоннеле,
Как сахар в стакане воды.

Никто нереальную жуть
Всерьёз не воспринял вначале.
Шёл поезд, колёса стучали...
И вот он исчез. Не вернуть.

Горит то закат, то рассвет,
Опять неспокойна стихия...
Не ты ли тот поезд, Россия?
Проскочим тоннель или нет?

ПОЭТЫ РОССИИ

Где лодки спят ничком на берегу,
Где дышится и думается легче,
Некрасова ли, Пушкина строку
На ухо ветер августа прошепчет.
И, может быть,

таится что-то в этом:
Заветный смысл,
открывшийся немногим...
Мне строчки

Заболоцкого и Фета
Как посох на извилистой дороге.
Где зябнет предрассветная река,
И сосны прячут шишки

в тёмной хвое,
Знакомая Есенина строка
Заденет ненароком за живое.
И тут же вспоминаются упрямо,

сквозь сердце проходя
за словом слово
Расстрелянные строчки
Мандельштама,

«Звезда полей»
и «Горница» Рубцова.

Игорь ТЮЛЕНЕВ
Союз писателей СССР/
России, г. Пермь

ЗАВЕЩАННОЕ МОРЕ

БОГ ЕСТЬ

Нам говорила: «Бога нет!»
Вожатая в начальной школе.
Записано не в протоколе,
А в памяти советских лет.
Хотя Христос был вне закона —
Он от хулы не ослабел!
В те дни у бабушки в избе
Висела чёрная икона.
Чтоб ранним утром, в пять часов,
Пред нею бабушка молилась.
На «Бога нет» не удивилась —
Была молитва как пароль.
В иконе чёрной — Светлый Лик
Ей на заре порой являлся!
Христос в стране не затерялся,
Он снова среди нас возник!

***

Князю А. М. Горчакову

Опять завещанное море
Целует Русская Земля!
Крым за спиной и в пене спора
Всплыла турецкая зола!
Кораблики смешные НАТО
Отскакивают от границ,
Как мячик теннисный... Не надо
Нам крови и чужих столиц.
Вам было, Горчаков, полегче,
Вы были просто поумней...
Но дураков не стало меньше,
А тёмных сил в сто раз темней!
С Европою противоборство
Не кончится и в этот век.
Но Правду Божию с упорством
Взыскует русский человек.

***

Могуч Микула без сохи,
А Пересвет наш без копыя,
Когда их подвиги в стихи
Вписала русская рука!
Свеча сгорала на столе
От благодатного огня.
Весь мир в добре, а не во зле,
Как волны с ног сшибал меня!

Но я опять вставал с колен
И слушал пение весны.
Я брал не только женщин в плен,
Когда влетал в чужие сны!
И вот сижу, как дуралей,
И встать боюсь из-за стола,
Но если б молодость пришла —
Я бросился б навстречу к ней.

***

Правительство, когда не читает поэта
Великого, не читает себя само.
И. Северянин

Нам на правительство плевать:
Пришли-ушли — и нет их!
Глаголы загонять в тетрадь
Важнее мест пригретых.
Привыкли к пушечной пальбе
Из окон воеводы.

Порой и нам не по себе
В отсутствии свободы!
Мы можем на ковре летать
Быстрее вертолёт.
Поэт художник, но не власть —
От плоти плоть народа!
А где народ там и поэт
В избе или в бараке.
Он продлевает этот Свет
Словами на бумаге.

Валерий ВЯТКИН
Союз писателей России,
г. Пермь

В НАДЕЖДЕ НА ОТКРОВЕНИЯ Миниатюры

***

Торжество математики
Нет злой судьбы — есть действие
теории вероятностей.
Умирает человек — и вновь математика:
из одной даты вычитают другую.

***

Жизнь — это знаки препинания.
Душа радуется многоточию. Пусть отды-
хает восклицательный знак.

***

Разгар осени — дивная пора Леви-
тана. Вдохновлённые ветром, листья
дерев в заметном движении, точно
наигрывают Чайковского, его «Осен-
нюю песню».

Живопись и музыка теперь нераз-
лучны. Триумф осени, её лебединая
песня.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Пешеходную дорожку перегоро-
дила дорогая автомашина. За рулём
молодая дама в чёрных очках: желает
выехать на трассу. Но пешеходам не-
удобно обходить машину: сзади она
почти касается шлагбаума.

«Что же вы встали здесь?» — го-
ворю даме не слишком раздраженно.
«Не встала, а выезжаю», — был ответ.
Завершаю саркастически: «Отлично!»
и ухожу.

Но нас услышал некто с «прото-
кольной» физиономией, с «прики-
дом» представителя социальных низов.
Имея готовность со мной разобраться,
двусмысленно улыбаясь, он подошёл к
машине и спросил: «Всё ли нормаль-
но?» Ответ дамы мне неизвестен.

Ясно одно: холуи и хозяева — вот
он, почти весь мир.

***

До боли грустна осенняя мелодия:
в летящих листьях — тема прощания, о
чём напоминает каждый листок.

ДВА СНА

Был сон, и я разговаривал со сту-
денткой. Подошёл её сокурсник, и
внешность его была неприятна. Но, зо-
лотая, ярко сверкала оправа его очков,
будто подчёркивая изысканность внешности.
«Иди в душ!» — бросила моя собесед-
ница, видно услышав неприятный за-
пах. «Иди в морг!» — озлобился я, по-
скольку студент помешал разговору.

Затем был другой сон, и в нём я
беседовал со студенческой группой —
рассказывал о своей грубости в пре-
дыдущем сне. Покаянные чувства не
давали покоя, и, поднятый мною, встал
вопрос о наказании за злобу. Но со-
весть в предыдущем сне, как помни-
лось, молчала.

Покаяние и пороки в разных отде-
лах нашей души. А быть бы им вместе,
чтоб выжигался порок.

***

Не ходи по давнишним адресам,
где было тебе хорошо: время обезо-
раживает всё.

Потухло пламя — и едкий дым ще-
кочет ноздри, выгоняя непрошеную
слезу. Время двулично, как и сам чело-
век: оно ведь не только лечит раны.

КОГДА НЕ СТРАШНО ЗА КРАСОТУ

Включил музыку Грига, открыв бал-
конную дверь. И жаль стало мелодию:
какофония мегаполиса была сильна.
Но с уличным шумом боролась пти-
ца — неслась ко мне её звонкая песня:
звучала торжественно, как солнечные
закаты, как свежее росистое утро.

БЕЛОБРОВИК

Начало осени. На затишке, в тени
(день же был солнечный) попевал на
рябине белобровик. Песнь, конечно,
была о любви — воспоминанием о
ней, прощанием с родиной перед от-
лётом. Нет, он не желал поклонниц,
да и соперники были ему безразличны.
Он пел для себя, и творчество это его
вдохновляло. Песня лилась и лилась,
но тише была и журчащего родника.
Припасть к ней страшно хотелось, как,
встав на колени, припадают к источни-
ку. Негромкая песня была слышнее ор-
кестра, служа назиданием и уроком...

ПОРА СМИРЕНИЯ

И взрослые деревья, и юные де-
ревца — все в осеннем уборе. Не-
умолим закон осеннего умирания, и
возраст здесь не при чём. Прощальны-
ми письмами летят листья. «Малолет-
ки»-листья тоже летят. Лежащие на
траве — как пасьянс: веря в весеннее
воскрешение, здесь загадывают судьбу.

Невидимый дирижёр безупречен:
осенняя мелодия звучит и звучит.
Удивлённый мелодией, шепчешь своё:
как тихо, смиренно и дружно деревья
пошли умирать!

МОЛОДОСТЬ ПОВТОРИМА

На подходе октябрь. Под каждой
берёзой ковёр: сияющий, круглый, он
соткан из жёлтых листьев, как бы слу-
жа отражением кроны. Можно поду-
мать: отразился свет лампы. И смотрит
дерево на своё отражение — смотрит
глазами последних листьев. С потерей
листьев ослабляется зрение: умиран-
ию должна предшествовать старость.
Но сколь великолепна она у деревьев,
словно служа разновидностью моло-
дости. Природа учит: молодость по-
вторима. Не повторяются только её
кolorиты.

КОГДА УСПОКОИЛСЯ ВЕТЕР

Вихрем-наскоком ворвался ветер:
его призвал наступивший октябрь. На-
сколько крепок великан-дуб, но и он
был раздет до исподнего: остались по-
следние жёлтые листья.

Вот стихло. И воцарилась на дубе
ворона: торжественно спокойна, не
шелохнётся она.

К ногам моим шлёпнулся лист —
письмом-приветом, словно боясь
опоздать.

«Письма» сгребают в кучи-собра-
ния, ведь каждая осень плодovита, ще-
дра.
Будут читаться воспоминания о
лете. Лишь бы не гасла твоя свеча.

ПОЭЗИЯ НА ГРАНИ СРЫВА

Осенней порой вспомнился За-
болотский, и я увлёкся на улице: «Об-
летают последние маки, журавли уле-
тают, трубя...» Но отвлекла проходящая
девушка: допустила такую неловкость,
что из её раскрытой книги полетели
сторублёвки, подхваченные ветром, —
одна, другая, третья... Летя наискосок,
подобно листьям с дерев, они опусти-
лись в траву, где было много палой
листвы, и замерли, казалось, на месте
своём.

Помог незадачливой собрать ку-
пюры, но благодарности не услышал.

И вот, немолодой, напеваю, грустя:
«А годы летят, наши годы, как птицы,
летят...»

Действительно, всё летит. Но жаль,
что многое улетает.

ДАЮ «ПРИКУРИТЬ»

«Пацан, продай сигарету», — услы-
шал я на улице ранним утром. Просил
нетрезвый молодой человек — про-
сил меня. Несущего бремя лет, меня
позабавило обращение «пацан», да и
просьба была необычной — о продаже
сигареты. Пришлось признаться: «Я не
курю».

«Что это за страна, — стал возму-
щаться парень, — неужто в ней никто
не курит?» «Курят, курят», — успоко-
ил я собеседника и одарил его улыб-
кой: пусть «прикуривает» от неё.

ГУБИТЕЛЬНЫЕ ЧАРЫ СМЕРТИ

Среди ветвей засохшей сосенки
поднялся репейник — будто нашёл
безопасное место. Но по осени по-
жухнул и он. И теперь, в тех же коле-
рах, что и сосенка, он застыл, как часть
деревца. Ниже метра была сосенка, но
он не вырос выше, точно смерть вла-
ствовала над ним, дохнув на репейник
в трагический час.

Заметен был и шиповник поблизо-
сти. Об осени напоминали его жёлтые
листья: шиповник будто украсился
ими. Жёлтых листьев было не много.
Но поникли цветы, хоть и прятались
в листьях зелёных. Дыхание смерти
ощущалось и здесь.

Осталось заметить девочку, соби-
равшую листья клёна. Опавшие, они
манили к себе яркой раскраской.

Смертное очаровывалось смер-
тью...

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Привлечённая птицей, под дере-
вом задержалась собачонка. Царапнула
ствол передними лапами, подпрыгну-
ла, взвизгнув, но всё было бесполез-
ным. Обречённая оставаться на земле,
она наконец успокоилась. И падали
покорно жёлтые листья, совершая свой
неизбежный полёт.

Наслаждаясь воцарившейся тиши-
ной, продолжаю свой путь, обязатель-
ный, трудный. Облюбованная солн-
цем желтизна дерев ослепляет. И верят
солнцу несвоевременные цветы, хоть и
умрут раньше срока, ведь, неизбежная
и забываемая, любовь всё равно по-
бедит.

ПОДСКАЗКА ПРИРОДЫ

Пламенея на солнце осенней ли-
ствой, берёза эта манила к себе: ве-
рилось, что согреет, разгонит светом
душевный мрак. Но листья её были
мертвы.

Другая берёза уже расставалась с
листвой. И открылось гнездо — сим-
вол жизни, Летом его было трудно за-
метить.

Жизнь и смерть — в едином пото-
ке. Наивен тот, кто их разделяет.

ЖИВА БЕРЁЗКА!

Середина марта. Солнечным све-
том заливает всю округу. Позади дол-
гие и суровые морозы.

На стволе берёзки полупрозрачная
бахрома — лоскутки плёнки, отделив-
шейся от бересты. Занятные такие ло-
скутки: шевелятся на ветру — словно,
нежась на солнце, лепечет что-то бе-
рёзка. О разном, конечно, лепечет: о
любви, наверное, тоже.

И жизнь продолжается, и место
есть для мечты!

БУДДИЙСКАЯ ОСЕНЬ

Начало октября. Безветренно. Ли-
стья дерев замерли, словно медитиру-
ют. Ожидаются перемены: с большим
листопадом придёт просветление —
скрытые летом откроются дали. Ли-
стья-желания падут на землю, осво-
бождая утомлённые деревья.

Любуюсь сияющими кронами:
в иных замечаю образ Будды, золочё-
ный, дышащий спокойствием, — вооб-
ражение будто бы озаряет.

***

Беды твои — как тучи. Вот про-
яснилось. Но снова ползут «небесные
странницы», сиюсь затмить всё твоё
«небо».

***

У погод нет лица — есть только
гримасы, порой отвратительные. Хо-
рошая погода означает одно — уста-
лость от этих безобразных гримас.

***

Апрель. В безлиственной тишине
своей деревья слушают весну. Каждое
дерево по-своему слушает. Затем пере-
даст всё в шелесте листьев.

МАЙСКИЕ ЧУДЕСА

Если утром ты обнадёжен, восхи-
щённый запахом цветущей черёмухи,
что ударил в твои ноздри спустя дол-
гие дни, считай: начались чудеса. Лужи
покажутся венецианскими зеркалами,
берёзовые серёжки — подвесками для
королевы...

ОСЕННИЕ ИЛЛЮЗИИ

Конец сентября. Но расцветшему
по осени одуванчику всё ничем. За-
крывает вечеру свои лепестки, открыв-
ает их уже нещедрому солнцу, наде-
ясь, видно, ещё и плодоносить. Весьма
печальная тшета.

Другое дело — соседний клён:
совсем юный, он строго подчинён
осенним законам. Тридцать-сорок его
листьев отменно расцвечены. Роняет,
кажется, по одному в день, точно стра-
ницы отрывного календаря. И можно
подумать об отсчёте деньков, на смену
которым приходит зима.

А на берёзе листьев не счесть. И вот
иллюзия о бесконечности дней. Но ве-
тер с севера развеет иллюзии.

ОКТАБРЬСКАЯ ПУНКТУАЦИЯ

Осень достигла своего апогея.
Под деревьями масса многоточий,
поставленных палой листвой. Значит,
всё повторится опять, повторится ещё
не раз.

В другом месте нахожу подтверж-
дение: пав на землю, листья и вправду
знают порядок, будто разложенные
умелой рукой.

Дивясь осенним пасьянсам, стою
восклицательным знаком. Осталось
выразить чувства словами.

ВЛАСТЬ КРАСОТЫ

В начале октября выпал обильный
иней. Расцвеченные листья клёна тоже
покрылись им. Но под лучами восхо-
дящего солнца инеем пришлось исче-
знуть. Оттаявшая трава стала ещё зе-
леней: словно приободрилась. И, точно
покрытые лаком, заблестели листья на
ветках.

Другое дело — листья на земле,
ещё не освещённые солнцем. Окайм-
лённые инеем, с сияющими блёстками,
они дивно хороши, хотя тоже безжиз-
ненны.

Природа не знает разделений: и
мёртвое и живое — всё в ней подчине-
но красоте.

Очарование продолжалось, и лак
для картины пока что не требовался.

БЕРУ УРОК У ВОРОБЬЯ

На деревце копошился воробей —
перелетал с ветки на ветку. Тоненькие,
они раскачивались под ним, как и без
него, когда воробей менял место.

Так и душа влюблённого, брошен-
ного предметом его любви: не сразу
находит покой, подобно тем веткам,
а всё бредит и бредит любовью, буд-
то бы не было расставания. Налицо
монотонность, как в раскачивании тех
же веток, — и множится печаль влю-
блённого.

Окончание следует.

■ РОДИНА

Александр ЗУБКОВ,
член ПКОО «Союз
писателей России»,
г. Пермь

ЖИЗНЬ СЛИШКОМ ЧУДНА И ПРЕКРАСНА

РАЗДУМЬЯ ПЕДАГОГА

Красивая двадцатилетняя
С татуировкой на руке,
И набекрень фуражка летняя
На легкомысленной башке.

В дырявых джинсах френд Илюха
На бёдрах выставил загар.
У них сегодня веселуха,
Им наплевать на семинар.

Есть у студентов ежечасно
Сугубо важные дела.
Жизнь слишком чудна и прекрасна,
Чтоб двойка их задеть могла.

И сколько б их ни костерили —
Они не дрогнут никогда!
Неужто мы такими были
В свои беспечные года?

COVID-19

Новоявленный вирус коварно
Проникает в людские потоки.
Люди слишком близки санитарно,
Хоть и в сущности одиноки.

А обратного как добиться
Нам, разрозненным атомарно —
Как нам сущностно объединиться,
Изолируясь санитарно?

О КОЛИЧЕСТВЕ И КАЧЕСТВЕ

Живём среди текущих величин.
Почём сегодня нефть? Почём валюта?
Наш зыбкий относительный аршин
Не приложим к масштабу Абсолюта.

Небесное божественное зрение
Легко пренебрегает измерением.
Промолвит духовник тоном усталым:
«Грех не бывает ни большим, ни малым!»

Земная жизнь даёт свои примеры.
Пьём мёд и дёготь, правду и лукавство,
И что в стакане – яд или лекарство,
Зависит от количественной меры.

Был Гегелем изучен сей предмет,
Его диалектическим величием.
Аркадий Райкин лил весёлый свет
На отношенья «качества» с «количеством».

Век двадцать первый холоден и крут,
Дела и деньги он считает чётко.
Сверкает в магазинах «Абсолют» —
Хорошая очищенная водка.

СТАРЕЦ

Ночь глухая настаёт
И из города угарного
Душу скорбную ведёт
В область бытия нетварного.
Сон царит в земных краях,
Ночь – от тропиков до полюса.
Лишь один седой монах
В полутёмной келье молится.
Свет свечи тускл и суров,
Но молитва разгорается,
И до края всех миров
Сердце старца расширяется.
В нём рождается способность
Необъятное вместить,
И всемирной тьме бездонность
Воплем сердца осветить!
Горячо и безутешно
Старец Сахаров Софрон
Плачет об Адаме грешном
Всех народов и времён.

ГЛАУКОМА

Лечение и новой науки пути
Мало друг с другом знакомы.
Средства не найдены, чтоб отвести
Давящий мрак глаукомы.

Словно сквозь узкую прорезь окна —
Сумерки дня всё темнее,
Смутно вокруг, застит взор пелена.
Мгла наползает плотнее.

Капли для глаз назначают врачи,
Но несмотря на лечение,
Меркнут предметы, двоятся лучи,
Падает внешнее зренье.

И вот, в немолодых годах,
Точно с повязкой на глазах,
С горизонтом, упёртым в могильную стелу,
Живёшь, как приговорённый к расстрелу.

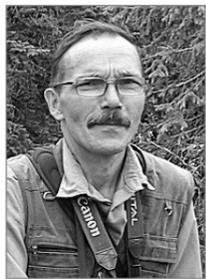
Надо взлететь выше дел и монет,
Тесные пути отринуть.
Чтобы иной удивительный свет
Внутренним оком окинуть.

И если свет ощущают едва
Глаз омертвевшие нервы,
В сумрачный час вылетает сова –
Зоркая птица Минервы.

В НЕПОГОДУ

Стоит старый дом под кряжистой берёзой,
Скрипят они вместе и в бури, и в грозы.
Сквозь ветви в окно пробивается свет.
Хозяин неспешно готовит обед.
В углу телевизор бубнит, не смолкая
Свистит ветер в сенях и щелях сарая.
И тучи на небе, и дождь на дворе –
Промозгло и холодно, как в октябре.
К иконе склоняюсь, незамужняя дочь
Всевышнего молит простить и помочь.
Налимья уха закипает котлом.
Пахуче дымится, блестит янтарём.
Есть к ней с огорода зелёный лучок,
Салат и укроп, заодно и чеснок.
Вот дочь и старик за столом сели рядом,
И кошки на них смотрят пристальным взглядом.
Хотя нынче летом погода плоха,
Но сердце согреют сто грамм и уха.

■ ВРЕМЯ

Василий КОЛБИН,
Союз писателей России,
г. Красновишерск

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ НА ФОНЕ ГОДА НАУКИ

В новом тысячелетии у российских ученых появился собственный день — 8 февраля — День науки. 2021-й объявлен Годом науки и технологий. Всё это сохраняет некоторую надежду, что российская наука, если не вернётся в группу лидеров, то, по крайней мере, продолжит своё существование.

К сожалению, итоги первого двадцатилетия нового века оптимизма не внушают. В конце 1980-х годов в СССР в науке работало 3 млн человек, в РСФСР (ныне РФ) — 1,5 млн. По числу исследователей Россия занимала 1-е место в мире, сейчас численность учёных опустилась до 347 тысяч, то есть уменьшилась почти в пять раз. А ещё в 2004 году численность персонала, занимавшегося научными исследованиями, составляла 840 тысяч человек. Научно-исследовательские институты, вузы и

школы в России сокращают с 2000 года постоянно. В то время как в целом по планете с 2007-го по 2013 год численность исследователей выросла на 21%. По данным ЮНЕСКО, самая высокая плотность научных работников в мире в 2012 году была в Израиле, где на миллион жителей научными исследованиями занимались 8337 человек. (Уместно отметить, что значительная часть научного контингента самой наукоёмкой страны мира переселилась туда из бывшего СССР.) Несколько уступают по данному показателю Корея (6533 человека), Япония (5195), Великобритания (4108), США (3984). Быстрее всего растёт количество учёных в Китае. Доля этой страны в расходах на науку выросла с 10,2% в 2007 году до 19,6 — в 2013-м. В пятерку стран с крупнейшими расходами на НИОКР входят США (454 млрд), Китай (337 млрд), Япония (160 млрд), Германия (101 млрд) и Республика Корея (69 млрд).

Я тихо радуюсь, что мой родной биологический факультет Пермского университета ещё не оптимизировали и сохраняются его кафедры, а вот сосед — Уральский университет Екатеринбурга этим похвастаться не может. Биофака там не стало и важнейший академический институт исследования природы — институт экологии растений и животных РАН последних аспирантов принимал из г. Перми. Пермский гуманитарно-педагогический университет ещё недавно имел биологический факультет с кафедрами зоологии и ботаники, а теперь осталась только объединённая кафедра биоло-

гии и географии естественнонаучного факультета. Оптимизация шагает по стране... Этак скоро мы вернёмся к России конца XIX века, когда было всего 4 университета.

Оптимизируя науку, чиновники как будто пытаются отсечь лишнее, оставив для изучения, по их мнению, только нужное для хозяйства. На деле разрушают науку как таковую, поскольку даже сами ученые не знают, что даст выход в скором времени, а что нет. Ангосаксы много десятилетий лидируя в науке, в то же время являются чемпионами по проведению самых нелепых исследований. Поскольку без удовлетворения простого любопытства и развития всех областей знаний науки нет. Альберт Эйнштейн, оказавшись в современных реалиях российской науки, вероятно стал бы безработным.

Упал престиж профессии ученого. Именно в последние десятилетия в среде обывателей активно используется слово «ботаник» в смысле «неудачник», «человек не от мира сего» или вообще «лох». Понятие, которое отражает пренебрежительное отношение современного общества к научной деятельности. В российском кинематографе совсем исчезли люди науки. Особенно это показательно на фоне западных киностудий, где сплошь и рядом фигурируют притягательные, харизматичные образы учёных. Как тут не вспомнить 1960-е, когда появлялись великолепные советские фильмы о науке: «Иду на грозу», «9 дней одного года» и множество других. В те времена американцы не сомневались, что научная гонка

с государством новой формации ими проиграна. Теперь же у нас работают зарубежные фонды. Особенно показателен фонд Фулбрайта, который предоставляет гранты и стипендии для перспективных молодых учёных с целью их стажировки, а в дальнейшем и трудоустройства в США. Механизм «выкачивания мозгов» запущенный в начале 1990-х, действует до сих пор. Восхищает, что деятельность данных фондов в среде чиновников от науки принято рассматривать как международное сотрудничество.

Исчезают научные и научно-популярные издания. В этом году журналу «Знание — сила» исполнилось 95 лет. Мэрия Москвы сделала своеобразный «подарок» — выдворила редакцию из здания, которое та занимала 40 лет, подняв стоимость аренды.

Завершая несистемный разговор, скажу несколько слов о заповедной науке. Также как академическая и вузовская наука, она переживает не лучшие времена. Идет всероссийское сокращение численности научных сотрудников. Денежное содержание — это воистину «зарплата ботаника». Но заповедная наука продолжает трепыхаться, ибо она единственная направлена на сохранение природы в нашем глобальной цивилизации, которая как будто задалась целью уничтожить свою среду обитания.

Так будем проводить учеты и наблюдения, пока несут ноги, видят глаза и слышат уши. Будем делать, что должно, и будь что будет! С годом науки!

Александр БАЛТИН

ПЕРМСКИЙ ГЛАГОЛ.
Эссе о писателях, так или иначе
связанных с Пермским краем

Окончание. Начало в № 2 (40), 2021.

Перлы Павла БАЖОВА

...поколение входит в поколение, но каждое следующее будет видоизменённым, а в скольких вливались крепкие растворы уникальных бажовских сказов?

Вспыхивает серебро, стучит копытце, зажигается волшебная ночь.

Архетипическое проступает сквозь руду слов: Великий полоз — ответственный за золото — создавался на основе поверий хант, манси и башкир...

Знаменита Хозяйка медной горы: наверно, шибче всех других персонажей: обернётся ящеркой, блеснёт на солнце драгоценной спиной — ан не убежит: на голове крохотная корона, играющая золотыми оттенками: нося такую, бежать не след.

Попробуй, поймай — а уже глядит красавица, смеётся, лукавит; ибо гора медная — как сама бездна жизни: столько образов наслаивает, замучаешься считать.

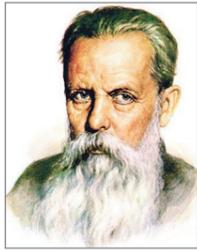
Сказы вынутые из жизни: из жизней народов, соединённых тонко поверьями, легендами... надеждами, быть может.

...Земляная кошка — персонификация сернистого газа: образ возник в соответствие с природным явлением: ибо всё одушевлено.

Только бы почувствовать...

Сколько всего реет, живёт, дышит: славно, плавно, неуловимо...

Как дышат, пульсируют, переливаются огнями вечные сказы Павла Бажова.

**ВЕКТОР
ВИКТОРА АСТАФЬЕВА**

Подростковое школьное сочинение было превращено в рассказ «Васюткино озеро», появившийся, как и другие первые рассказы В. Астафьева в журнале «Чусовой рабочий»...

Война и деревня — два вектора, сложно сошедшиеся в космосе писателя, определили силовое поле его прозы: ставшей веховой в истории русской литературы советского периода.

«Стародуб», «Перевал», «Звездопад» — словно собирались из тех камней, что можно встретить в лесах: лобастых, больших, покрытых мхом времени.

Шероховатость и шершавость становились мощными средствами выразительности; и древесина прозы обрабатывалась своеобразно: со специально оставляемыми, не обструганными фрагментами — чтобы ранили сильнее читательское восприятие, не давали возможности пройти мимо, врезались в память.

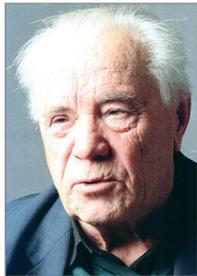
Зоркость к деталям была необычайна: точно своеобразные окуляры направлены были на действительность, дабы высветить самое характерное, и дать через деталь многое; живая плазма слова бурлила: казалось, мозг писателя словно был переполнен ими: жажущими свободы воплощения.

Взгляд на войну передавался через восприятие простого солдата: на котором всё и держится; иногда — младшего офицера; и обезличенный Ванька-взводный, выдерживающий колоссальную нагрузку, что бы ни происходило, — уникальный собирательный образ Астафьева, знавшего окопную правду изнутри: как и наждачную её сторону, резко и грубо обрабатывающую души.

«Царь-рыба» — роман в новеллах; повествование столь же глобальное, сколь и провидческое: в центре своём лелея Игнатыча: умелого и уважаемого в деревне рыбака, разоблачает жадность, жажду наживу, затягивающий омут потребления любой ценой — разоблачая невозможное, потребительское отношение к природе: дающей жизнь, поющей сотнями голосов; производящей — в том числе — великолепных таких чудовищ — как царь-рыба: осётр...

...а вот взвод лейтенанта Бориса Костяева: который среди прочих соединений участвует в бою против прорвавшего оборону противника.

Взвод, останавливающийся после боя на хуторе,

хозяйка дома — Люся, краткое счастье любви в недрах продолжающейся войны: так строится сюжет «Пастуха и пастушки»: пасторали, по определению писателя.

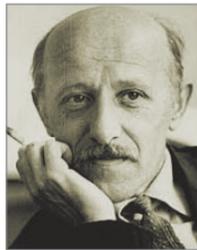
Современной пасторали, уходящей жарким составом любви и тоски в вечность, где может быть, уютнее, чем на земле...

Пронизывали токи небесные тёртые, мощные книги Астафьева, знавшего, по его словам, богословие весьма не плохо?

В сильной мере: согревая теплом и лиризмом; даже тогда, когда, казалось бы, выхода не было...

Роман «Прокляты и убиты» не мог быть закончен: ибо дёготь войны не смывался из памяти, и новые и новые образы, выходявшие на сцену, чтобы погнать, подтверждали невозможность забвенья.

В. Астафьев возводил храм книг: мощно увеличивая своды, расширяя пределы, внося новые и новые детали: и храм этот велик, и, словно через прозрачный его купол, льются лучи вечности в феноменальное строение, созданное из книг.

**СОЛНЫШКО
АЛЕКСЕЯ ДОМНИНА**

«Слово о полку Игореве» — звоны горя и сила подвига, плач Ярославны, летящий и льющийся над веками; бездна былого, зафиксированная известным мастером слова...

Алексей Домнин работал над своим переложением «Слова...» — и его исполнение было истинным, ярким и световым; оно получило высокую оценку специалистов: Б. Двинянинова и В. Стеллецкого: последний утверждал, что работа Домнина может соперничать с вариантом Н. Заболоцкого, давно ставшим классическим...

...разворачиваются постепенно свитки работ Домнина: звучит протяжно и раздольно повесть-сказание «Матушка-Русь», — произведение, посвящённое Святославу Рыльскому, предполагаемому автору «Слова...»; и повествование, развёрнутое Домниным, играет самоцветами слов, дышит вольно, как природные перлы... вроде ветра.

Домнин ощущает значение корней фольклора: он занимается устным наследием коми-пермяцкого народа: именно благодаря его трудам с пёстрым и разнообразным фольклорным миром коми-пермяков смогли познаться взрослые и дети: носители русского языка...

Он пишет рассказы и сказки: и последние рассыпаются радугами чудес, радуя детишек, и — вместе — настраивая их на волну постепенного постижения взрослого мира.

«Солнышкин шарф» разматывается дивно, а «Полкило смеха» рассыпаются солнечными — и такими бытовыми ситуациями, предлагая видеть чудесное в любых закоулках жизни...

Жизнь Алексея Домнина точно была связана с постоянным световым источником: что ярко ощущалось в его книгах, к какому бы жанру они не относились...

**ПРАВДА
АРКАДИЯ ГАЙДАРА**

Гайдар — фигура столь же одиозная (ставшая одиозной после низвержения советского колосса), сколь и талантливая.

Чтобы убедиться в последнем, стоит обратиться к «Школе», учитывая её литературные качества: прежде всего стилистику, исключаящую какую бы то ни было путаницу, дающую образец высокой ясности и кристально-го благозвучия:

«Городок наш Арзамас был тихий, весь в садах, огороженных ветхими заборами. В тех садах росло великое множество „родительской вишни“, яблоскороспелок, терновника и красных пионов. Сады, примыкая один к другому, бразовывали оплошные зелёные массивы, неугомонно звеневшие пересистами синиц, щеглов, снегирей и малиновок».

Плавно ложатся достаточно короткие, предельно ясные, конкретно ёмкие фразы. Великолепная акварель, или нет — роскошная словесная живопись, с точным предварительным рисунком.

Борис Гориков, ученик Арзамасской гимназии, угонив в воронку происходящих в стране событий, становится сперва порученцем у большевиков, а дальше бойцом Красной Армии, что меняет, ломает,

обтёсывает его, а хорошо это, или плохо — зависит всего лишь от главенствующей идеологии. Тогда — считалось хорошо. Ныне — кроваво, плохо.

Так, или иначе, это имеет опосредованное отношение к литературе, поскольку тон повести, заданный начальным абзацем, не меняется: остаётся ровным, сильным и глубоким, оставляя... вы представьте! — послекусие чистоты.

Оно же — послекусие это — остаётся от большинства вещей Гайдара: некогда хрестоматийных, ныне подвергнутых обструкции в официальных литературных кругах (или в чём-то подобном).

Необыкновенной чистотой — будто снегом писаны — светятся «Чук и Гек».

Даже сила и страх — определяющие чувства «Р. В. С.» в большей степени чисты, чем сочинения постмодернистов.

...если литература не поднимает душу и сознание вверх, не заставляет встать на цыпочки и тянутся к небу — то зачем она существует?

Сложно сказать, был ли Гайдар тем убийцей, тем необыкновенно жестоком воякой, каким представляла его пропаганда девяностых годов, когда всё советское должно было залить наиболее едкой грязью, но произведения его — чисты и талантливы, ибо определены подлинностью литературного дара: в отличие от писаний многих нынешних мастеров, знающих, как угодить премиально-толстожурнальной тусовке, и множущих тексты, которые вообще сложно определить, как литературу.

**МЕРА
МИХАИЛА ОСОРГИНА**

Десятые, двадцатые годы двадцатого века: из самых корневых, годы слома, годы крушения устоявшегося: чего не ожидало большинство, хотя предчувствовалось единицами.

Профессор орнитологии, Москва, пронизанная кожаными куртками и дефицитом, и всё слишком серьёзно: булгаковские сатира и ирония не подойдут...

Круто рушится годами устоявшийся быт; солдат-дезертир становится комендантом; профессор-орнитолог продаёт свои труды, не имея средств...

Однако, дом на Сивцевом Вражке стоит попрежнему, хоть и подселели к профессору с племянницей жильцов; по-прежнему стремятся к особнячку люди, сохранившие представление о другой жизни, и мечтающие об островке былого, каким и предстаёт этот дом.

Сивцев Вражек — сам во многом символ старой, уютной, хлебосольной Москвы, символ времени, если угодно — времени, сорвавшегося с петель в романе М. Осоргина.

Быт и атмосфера, атмосфера и быт; колорит эпохи передаётся писателем сочно и смачно, но под определённым углом: ибо его родословная и литературная волна не подразумевали другого; неустойчивость, тяготы, страх перед людьми с Лубянки.

Рушатся жертвы установившегося режима; молодой человек вернётся с войны без рук, без ног, и получит прозвище Обрубок...

Страшно.

Гулко.

Неизвестно.

...во время гимназической учёбы Михаил Осоргин поместил в местной газете некролог, посвящённый классному надзирателю, затем — рассказ, и с тех пор считал себя писателем.

Он участвовал в студенческих волнениях, и был выслан из Москвы в Пермь.

Жизнь его была бурной: с вектором направленности к лучшему, не отсюда ли его заинтересовал футуризм — который, казалось бы, писателя реалистического направления заинтересовать не мог никак?

Но реальность революционного воплощения Осоргин не принял, и был выслан на пресловутом знаменитом философском пароходе.

«Сивцев Вражек» — снежная вершина Осоргина-писателя.

Хроникальный характер повествования подаёт события следующими одно за другим: в мозаичном порядке прошлой реальности, что придаёт роману дополнительную объёмность; и вечная страсть Осоргина — внимание ко всему живому — раскрывается в книге с особенной яркостью.

Он был достаточно плодовит, писал и о масонстве, и о природе: её характере и оттенках; но едва ли в других своих книгах воплотился с такой полнотой, как в этой.

**АВИАТОР ПОЭЗИИ
ВАСИЛИЙ
КАМЕНСКИЙ**

Небо зовёт — поэт без полёта разве может существовать?

Небо становится доступнее: появляется авиации, и Василия Каменский, звоны и зовы неба переводя в стихи, никогда не забывал двойные возможности летать: на машинах и путём созидания строф...

Футиризм подразумевает будущее главным: если сравнить с прошлым, и отвлечься на время от бесконечно идущего сегодня: симфония футуризма должна развернуться новыми красками, каких не было в прошлых палитрах:

Какофонию душ
Ффрррррр
Моторов симфонию
Это Я — это Я —
Футирист-песнебоец
И пилот-авиатор
Василий Каменский
Эластичным пропеллером
Взметнул в облака
Кинул там за визит
Дряблой смерти-коготке
Из жалости шитое
Танговое манто и
Чулки
С панталонами.

Тут и смерть логично увидеть коготкой, отказавшись от привычных её образов: или просто пренебрегая ею.

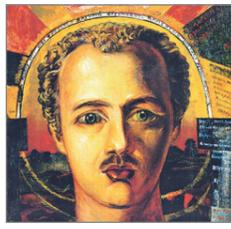
Каменский разливался звуком — и им же ввинчивался, ввёртывался в грядущий мир: такой не представимый, такой повседневно творящийся.

Небеса конструктивны: всегда предложат решения, и то, что в сорок лет можно оставаться детьми — верный показатель поэтической силы, как ни странно.

Ибо без нот детскости — ярко звучащих нот — человек не сможет писать: ибо стихи противоречат прагматической прозе реальности.

Но авиатор знает нечто, что не доступно бесконечно ходящим и не мечтающим взлететь: он знает поэзию неба, его лепестков, его моторов, он знает весомую силу звуковой, он будет петь, даже сквозь смерть пройдя...

И поэт-авиатор В. Каменский продолжает свой бесконечный взлёт, который невозможно остановить...

**СОСТРАДАНИЕ
В КНИГАХ
Н. ГОРЛАНОВОЙ
И В. БУКУРА**

Сострадание — не частый гость в современной литературе: не мудрено — связанная с жизнью, она пропитывается оной, а поскольку нынешний вариант российской жизни крепко закручен вокруг товарно-денежных отношений, то ожидать сострадания от литературы, всё равно, что требовать от персонажей экрана сойти в зал; и книги Горлановой и Букура выгодны высвечены в этом плане: именно огонь одного из главных человеческих чувств напитывает их.

«Чужая душа», тема усыновления, тема кровотока в любые времена...

Обретёт ли подлинность семьи ребёнок?
Станет ли его жизнь светлее, или, может быть...
Будущее вообще, как бесконечный лес всевозможных «может быть»...

Фрагменты чужой жизни у Горлановой и Букура превращаются во фрагменты чужих душ: в целостности нам не представить; документальность повествования, как игровой феномен, ибо книга исполнена художественно, ибо выразительность персонажей велика, а ощущение некоторого мелькания, суety идёт от протяжённых нитей жизни, за которые постоянно дёргают неизвестные силы.

Конкретика.

Реальность.

И сострадание, пропущенное через них красной нитью, не оставляет сомнений в подлинности художественного свершения.

Она отчасти бесхитростна — проза Горлановой и Букура; она очень взрослая — с детскими прослойками: кажется порой, что мир взрослых увиден детскими глазами...

«Линия обрыва любви».

«Пермь, как текст».

«Учитель иврита».

Множественность произведений сведена в единое полотно, создаваемое жизнью талантливых людей; и этот свод призван хоть на чуть осветлять предложенную, как норму, действительность.

**РАДУГА
ЮРИЯ БЕЛИКОВА**

Языкова гушь Юрия Беликова мерцает тысячами ассоциативных огней, обещая увлекательное путешествие:

*После смерти моей
вы меня на Алтае отыщете...
Я в оранжевой юбке мелькну,
как шотландец, на склоне,
и вослед мне залают
вздремнувшие тысячелетники,
и метнутся за мной,
и у Шамбалы самой догонят...*

Он зажигает внутри каждой строки фонари, и редко когда он не расцвечен цветами радуги:

*«Это Арев из Бийска».
И — взвизгнет внезапная пауза.
И сиреневый Рерих
возникнет из красного леса.*

Цветовое торжество, богатство палитры, избыточность жизни, перетекающая в избыточность стихов. Нечто от византийских тканей чудесно мерцает в великолепно раскинутых тканях беликовских стихов.

Закипит сирень — но сирень увидеть в качестве преследователя? На это отважится только поэт:

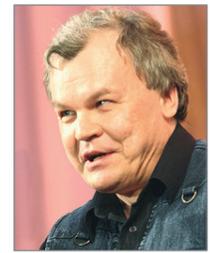
*От дискобара до сарая,
где тянет свеситься скорей,
сирень лохматая, сырая
меня преследует, сирень.*

Вероятно, имеется особая метафизика оптики, как метафизика звучащих гирлянд стихов, когда осмысление мира даётся именно через пласты, ломти реальности, распадающейся на доли предметов, явлений, смыслов.

Вероятно, выливая в пространство, выплёскивая во время такую густоту стихов, Ю. Беликов предлагает то восприятие яви, к которому пришёл сам: разделить его, вместе порадоваться, взмывая в космические выси поэзии, и... пусть даже падая в овраги отчаяния, хотя последнего в его стихах особенно не найти.

Есть трагические стихи, точно прошитые болью, опоясанные лентами мучительного несовпадения действительности с торжеством поэзии, но это — редкость.

... и плещет, играя и всерьёз, великолепная радуга Ю. Беликова, и призывает к счастью, к упоению бытием.

ВРЕМЯ

ДЕБЮТ

У поэта Игоря Тюленева в литературно-историческом журнале «Что есть Истина?» (№ 63 декабрь 2020 г.) опубликован ряд стихотворений: istina.russianalbion.com/ru/chto-est-istina-63-dekabr-2020/igor-tyulenev. Издание выходит с июня 2005 года (Лондон, Великобритания). Поздравляем с новой вершиной!

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Убогий и скорбный на вид
Без пышных одежд и злачёных.
Не будет царём, как Давид,
Плодить фарисеев учёных.

Он всходит на гору Фавор,
И трое восходят по следу.
Их облак объял, как шатёр,
И радость пронзила планету.

Дела, Твои, Боже, чудны!
Из облака вышел Светилом!
Как можно достичь белизны,
Не прибегая к белилам?

Лицо превращается в Свет.
Преображенье Господне.
Его среди нас уже нет.
Среди нас Христа нет сегодня.

Отныне Он в наших сердцах.
Что верят Христу безгранично.
И Слово цветёт на устах,
И мир украшает привычно.

Господь нам родней, чем родной!
Пусть наши враги измельчатся.

И люди от славы земной
Отныне к небесной стремятся.

ВСТАВАЙТЕ, КОМАНДАРМЫ ДУШ...

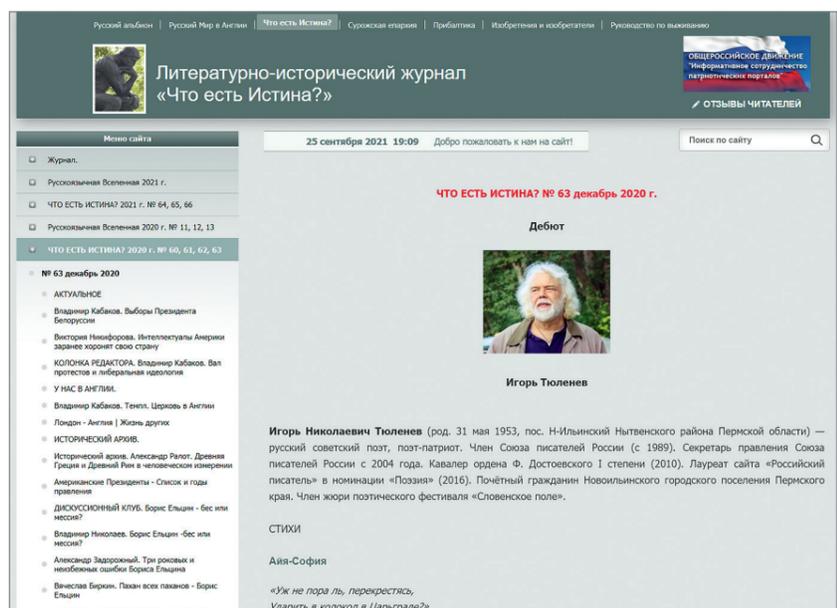
Тумены детородных слов,
Как соколы летят.
На Китеж, Клин и на Саров,
На Курск и Сталинград.

Все выползут из волчьих ям,
Провалов и щелей,
Ломая, как ненужный хлам,
Капканы на людей.

Давно пора нам побеждать,
Из храма гнать свиней.
Постой за нами, Божья Мать,
Как мать своих детей!

Светлеет соколиный лёт,
Седеет борода.
Стих возвращается в народ,
Как в океан вода.

И сладок сыромятный дух,
И быстрокрыл Пегас...
Вставайте, командармы душ
И властелины рас!

ШУКШИН

На Новодевичьем калина,
Как Русь прижалась к Шукшину!
Шагает русская равнина,
Чтобы отбить поклон ему...

Его душа в небесных сферах
Хранит суровые слова,
Не для московских маловеров —
Банкира и ростовщика...

Он жил, «перо макая в правду»,
Служил народу своему.
И кирзачи сидели ладно
На мужиках в моём роду!

Я точно видел с гор Уральских,
Как вдоль Пикета облака,
Как струги Разина по-царски
Бросали тень на берега...

Тень словно плат накрыла Сrostки,
Храня гнездовые Шукшина.
А под калиной у дорожки
Седлает паренёк коня.

Калина красная такая
И паренёк простой такой,
И в окна машет Речь Родная,
Как мать в «Калине красной» той!

КОМАНДИРОВКА: ПЕРМЬ — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Михаил ДАВИДОВ
Союз писателей России,
г. Пермь

Продолжение.
Начало в № 1–3 (26–28), 2018;
1–4 (31–34), 2019; 2 (36), 2020; 2 (40),
2021

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В Милане было много музеев, пинакотека Брера, театр Ла Скала, который располагался на площади Делла Скала, где Достоевский любил посидеть на скамеечке возле памятника Леонардо Да Винчи.

Любуясь красотами европейских стран и городов, удивляясь и не принимая обычая, образа жизни и привычек европейцев, в душе Достоевский тосковал о России. В любой стране его всегда волновало в первую очередь то, что сейчас делается в его родной стране, как там живут люди.

«Нет ничего на свете лучше России!» — думал Ф. М. Достоевский каждый раз, возвращаясь из очередного заграничного путешествия.

***

Из столовой наш путь лежит в гостиную. Это большая красивая комната, окнами выходящая на Кузнечный переулок. На её потолке — красивая люстра, на стене — другая картина неизвестного итальянского художника XVIII века школы Бассано, которая называется «Моление о чаше». Эта картина, как и «Тайная вечеря», висающая в столовой, передана Литературно-мемориальному музею внучатой племянницей писателя М. В. Савостьяновой. А вот настенные большие часы, размещённые на стене справа от входа из прихожей в гостиную, принадлежали лично Ф. М. Достоевскому. Такое ощущение, что подойдёт сейчас Фёдор Михайлович и заведёт эти красивые массивные старинные часы.

Центральное место в гостиной занимает овальный журнальный столик, воссозданный по воспоминаниям потомков Достоевского. Вокруг него размещены четыре изящных кресла и диван, обитый красной материей. Столик освещает лампа с абажуром. Место очень уютное. Так и кажется, что сейчас сюда войдут друзья и приятели Достоевского, усядутся за столик, и завяжется и потечёт неторопливая беседа их с писателем.

Впрочем, Фёдор Михайлович, в силу его болезни, сложного характера и принципиальности, не имел большого числа друзей. К концу жизни он даже рассорился с большинством знаменитых писателей, с которыми поддерживал дружеские отношения в молодости, — И. С. Тургеневым, Н. А. Некрасовым и другими. Заочно, не будучи лично знаком, критиковал Льва Толстого и его творчество. Помимо неуживчивого, эпилептоидного характера, он конфликтовал из-за появившихся идейных разногласий. Достоевский считал Тургенева и Некрасова «дворянскими», не народными писателями. С жаром утверждал, что они не знают душу и чаяния простого народа, униженных и оскорбленных и вещают с высоты своего дворянского, барского положения. В романе «Бесы» Достоевский даже вывел Тургенева в роли отрицательного героя — писа-

теля Кармазинова. Имея в виду Льва Толстого, Тургенева, Гончарова и Некрасова, Достоевский утверждал: «Ведь это всё помещичья литература. Она сказала всё, что имела сказать... Огромная часть русского строя жизни осталась вовсе без наблюдения... Жизнь нашего дворянского круга, описанная нашими беллетристами, есть лишь слишком ничтожный и обособленный уголок русской жизни».

Идейные разногласия, впрочем, не помешали Достоевскому навестить тяжелобольного раком, умирающего Некрасова и морально поддержать его. Всё-таки чувство сострадания довело в Фёдоре Михайловиче над всеми другими чувствами.

Друзьями и хорошими приятелями, которые навещали Достоевского на квартире, оставались поэт А. Н. Майков, философ Владимир Соловьёв и его брат Всеволод Соловьёв, вдова поэта А. К. Толстого Софья Толстая, известная деятельница женского движения и хозяйка популярного в Петербурге литературного салона Елена Штакеншнейдер.

Дружба связывала Фёдора Михайловича с философом и литературным критиком Николаем Николаевичем Страховым. Последний сотрудничал в журналах Михаила и Фёдора Достоевских «Время» и «Эпоха», был свидетелем со стороны жениха — Достоевского на свадьбе с А. Г. Сниткиной. Но даже со Страховым у Фёдора Михайловича не было идеальных, безоблачных отношений. Великий писатель имел трудный, сложный и нетерпимый характер. Такие характеры часто бывают у гениальных людей. Современные литературоведы — и западные, и российские — сейчас единодушны в том, что Ф. М. Достоевский был гением. А медицинская наука со всей категоричностью утверждает, что не бывает гениев с идеальным характером.

На овальном столике лежит принадлежащая лично Ф. М. Достоевскому коробка из-под табака, с папиросными гильзами. С ранней молодости Фёдор Михайлович много курил. Проживая здесь, на своей последней квартире, он за одну ночь выкуривал около 30 папирос. Вечером, накануне ночного бдения за литературными сочинениями, он удобно усаживался за этот овальный столик и сам, не доверяя никому, набивал папиросные гильзы табаком. Постоянно кашляя, страдая уже одышкой, никак не мог он освободиться от дурной привычки.

Писательница Варвара Васильевна Тимофеева (О. Починковская) вспоминала о совместной работе с Достоевским в редакции журнала «Гражданин»:

«Он курил, он всегда очень много курил, и мне видится до сих пор его бледная и худая рука, с узловатыми пальцами, с вдавленной чертой вокруг кисти, — следами каторжных кандалов, — видится, как рука эта тушит докуренную толстую папиросу... Мне видится, как лампа начинает постепенно меркнуть, и бледный утренний свет заливает всю комнату, и как Фёдор Михайлович пытливо глядит мне прямо в лицо и говорит своим напряжённо-глухим грудным голосом:

— Вот мы с вами сидим тут, на этом чердаке, работаем до белого дня, а сколько людей теперь веселятся, беспечно жуируют вокруг нас! И в голову им даже никогда не придёт, что вот вы — молодая, а не променяете вашей жизни на их... лёгкую и весёлую...

— Не променяю!

— Ну, вот видите! Значит, есть нечто высокое, благородное и святое в этой жизни труда? — говорил он, точно доказывая кому-то истину своих мыслей.

— Есть! — откликнулась я с волнением... Я думала не о себе, а о нём — о

красоте душевной этого человека...

Он был жизнью для тех, кто имел счастье прикоснуться хоть на миг к его удивительной душе. Жизнь была его жестоко, близкие люди терзали и без того измученное сердце: первая жена, прекрасно зная, какую рану наносит мужу, язвительно призналась, что изменила ему с любовником в первую же брачную ночь. Ближайший друг Николай Николаевич Страхов распускал о нём самые гнусные сплетни... Ничто не смогло озлобить его сердце, и каждый раз, встречаясь с людской неблагодарностью или даже откровенной подлостью, он страдал, удивлялся, пытался понять <...> Он «слишком верил в людскую честность».

То, что русская литература началась с А. С. Пушкина и то, именно он — отец русской национальной литературы — аксиома для любого современного школьника. Но были ли так единодушны во мнении просвещённые русские люди в начале и середине XIX века? Отнюдь нет!

Мало кто знает, но ведь даже В. Г. Белинский — автор блистательных статей о Пушкине — ещё при жизни последнего, в 1835 году, провозгласил Н. В. Гоголя главой русской литературы, занявшим «место, оставленное Пушкиным». Белинский позже писал: «Мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине».

Борьбу за «гоголевское направление» продолжил Н. Г. Чернышевский, также ясно заявивший, что не Пушкин, но Гоголь «был отцом русской прозы».

Ф. М. Достоевский был одним из первых, кто вновь высоко поднял знамя Пушкина, громко провозгласив его значение для всей русской литературы.

С раннего детства А. С. Пушкин был любимым поэтом Фёдора Достоевского, восторгался стихами и поэмами этого человека, которого считал литературным гением. В молодые и уже зрелые годы Достоевский, при всей внешней непохожести их литературных произведений, учился на прозе Пушкина. На собственный художественный мир Достоевского Пушкин оказал большое влияние. Пушкин был идеологическим и художественным идеалом Достоевского.

Находясь в гостинице последней квартиры Достоевского, молча размышляя о последних годах его суровой и нелёгкой жизни, я вдруг вспомнил его знаменитую Пушкинскую речь, произнесённую в Москве на торжествах, прошедших в июне 1880 года по случаю открытия памятника знаменитому поэту на Страстной (ныне — Пушкинской) площади. В этой знаменитой речи Достоевский утверждал о всемирном значении Пушкина. Он говорил о судьбе поколений русских «скитальцев», европейски образованных интеллигентов, Онегиных и Печоринных, об их отношении к России, к национальному миру. Он восторгался русской женщиной, воплотившей в себе всё лучшее, что может быть в женщине, вещал о будущих судьбах России. Эмоциональная речь Фёдора Михайловича несла такую правду, была настолько проникновенна и исповедальна, что вызвала бурю восторга в зале. После этой проникновенной речи люди кричали, указывая на Достоевского: «Ты наш пророк!»

Вот как описывает свою Пушкинскую речь сам Фёдор Михайлович в письме ожидавшей его дома Анне Григорьевне: «Утром сегодня было чтение моей речи. Зала была набита битком. Нет, Аня, нет, никогда ты не можешь представить себе и вообразить того эффекта, какой произвела она! Когда я вышел, зала загромила рукоплесканиями и мне долго, очень долго не давали читать. Восторг, энтузиазм (всё от успеха

„Карамзовых“!). Наконец, я начал читать: прерывали решительно на каждой странице, а иногда и на каждой фразе громом рукоплесканий. Я читал громко, с огнём... Когда же я провозгласил в конце о всемирном единении людей, то зала была как в истерике, когда я закончил — я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть впредь друг друга, а любить. Порядок заседания нарушился: всё ринулось ко мне на эстраду. „Пророк, пророк!“ — кричали в толпе... Прибежали студенты. Один из них, в слезах, упал передо мной в истерике на пол и лишился чувств. Полная, полнейшая победа! <...> Я ослабел и хотел было уехать, но меня удержали силой. В этот час времени успели купить богатейший, в 2 аршина в диаметре лавровый венок, и в конце заседания множество дам (более ста) ворвались на эстраду и увенчали меня венком: „За русскую женщину, о которой вы столько сказали хорошего!“

Пушкинская речь прозвучала, как духовное завещание Фёдора Михайловича Достоевского.

К концу жизни писателя-пророка значение его произведений стало огромным. О Достоевском узнал весь мир. Им зачитывались. Восхищались. После романов Ф. М. Достоевского в мире впервые стали говорить о том, что русская литература — это нечто большее, чем литература.

С. Цвейг писал: «Не будем называть их романами... они давно уже не литература, а какие-то тайные знаки, пророческие звуки... Достоевский больше, чем поэт, — это — духовное понятие, которое вновь и вновь будет подвергаться истолкованию и осмыслению».

Немецкий писатель Герман Хессе утверждал, что Достоевский — не только великий художник, он прежде всего пророк, угадавший исторические судьбы человечества.

Иностранцы и сейчас, в начале XXI века, довольно активно посещают мемориальную квартиру Ф. М. Достоевского. Ежедневно слышу их иноземную речь — немецкую, английскую, французскую. Тихо, вполголоса переговариваются они друг с другом, внимательно рассматривая экспонаты. Приходят в музей по 2–3 человека, реже — поодиночке. Люди с виду интеллигентные, вежливые, лица — серьёзные, глаза — осмысленные. Одеты гости по разному. Есть дамы и господа в шикарных модных платьях и дорогих костюмах, но большинство — в обычной повседневной одежде европейского туриста, которому волею судьбы и желаний удалось попасть в экзотическую русскую Венецию, в Северную столицу странной, особенной, восточной страны. Многие из иностранцев говорят о Достоевском и обстановке его квартиры с благоговением и уважением. Ведь ныне Ф. М. Достоевский — один из самых знаменитых и почитаемых писателей западного мира.

Иногда бывают экскурсии. Я про себя называю экскурсии «налётчиками». Прибегают шумною, бестолковою и суетливою толпою, гид покричит-покричит в залах и, смотришь, обгоняя друг друга, спешат все к выходу. Их путь лежит дальше — в Петергоф, Царское Село, Эрмитаж. Им, суетящимся, многое надо успеть и некогда подумать и окунуться в магнетический глубокий философский мир Достоевского.

Много и русских посещает музей писателя. Радует, что кроме людей старшего поколения, немало бывает здесь студентов и школьников.

Вот уже неделя, как я каждый день прихожу в мемориальную квартиру

Достоевского. Внимательно рассматриваю вещи, связанные с жизнью писателя, его автографы, осмысливаю увиденное и сопоставляю с прочитанным и уже известным мне. И каждый день узнаю что-то новое. Сотрудники музея привыкли ко мне, уже давно поняли, что я часто прихожу сюда потому, что Ф. М. Достоевский дорог мне так же, как и им. Видя во мне единомышленника и единовеца, интересного собеседника, они вспоминают что-то из жизни Достоевского, рассказывают о потомках писателя, о деятельности и истории их музея, делятся сокровенным. Сотрудники музея показали несколько важных документов из архива, разрешили ксерокопировать их, подарили две очень редкие и ценные книги о писателе, достать которые в наше время невозможно...

Наступил вечер. Луч солнца из Кузнецкого переулка в последний раз скользнул по гостиной квартиры и пропал, уступив место мрачному полусумраку. Из гостиной двери ведут через прихожую на выход. Удалились в светлый земной мир последние посетители. В гостиной стоит сумеречная тишина, в воздухе плывут умиротворение и покой, да витает дух Достоевского. Слышен шёпот сотрудниц. Кажется, что они боятся громким голосом разбудить Достоевского, словно бы притихшего и незримо присутствующего в самой почитаемой и таинственной комнате музея — кабинете писателя, где в 1881 году перестало биться его сердце.

* * *

На следующий день я вновь прихожу к моему Достоевскому. Стоя в центре гостиной мемориальной квартиры Ф. М. Достоевского и снова вспоминая и его знаменитую Пушкинскую речь, и его гениальные произведения, я ни на минуту не упускаю из вида, что жизнь этого замечательного человека и мыслителя была омрачена жесточайшим недугом — он страдал эпилепсией.

По поводу его «стыдной» болезни и её влияния на его характер и творчество до сего дня «ломают копыя» многие авторы, вступая с друг другом в ожесточённую полемику. И я начинаю рассуждать о творчестве и личности Достоевского в свете его болезни.

Фёдор Михайлович Достоевский — величайший писатель, умевший словом передать душевное состояние человека. Он раскрыл в своих произведениях целый мир душевной скорби и страданий. Выдающийся психиатр В. М. Бехтерев говорил, что Достоевский «впервые проник настоящим образом в больную душу человеческой личности и вскрыл её своим изумительным, чисто гениальным анализом».

Ф. М. Достоевский до сих пор остаётся одним из самых популярных писателей. Его произведения огромными тиражами издаются во всех странах мира. Влияние его на современный мир огромно. Помимо вскрытия язв общества, рождающего униженных и оскорблённых, Достоевский обладал даром пророчества. Он стал пророком трагических событий XX и начала XXI века. Гениальный ум Достоевского был способен угадывать и понимать бессознательное. Раскрытие природы бессознательного и сделало Фёдора Михайловича пророком событий, когда первичные импульсы (в норме погашаемые корой головного мозга) жестокости, господства, подавления, власти, стяжательства вышли из-под власти разума, и в мире начали командовать подонки типа Гитлера, Муссолини, Пиночета, Пол Пота с их бесчисленными «шестёрками», помощниками более низкого ранга. В своих «Бесах» Ф. М. Достоевский оказался гениальным провидцем кровавого террора, революции, гражданских войн, когда кровь людская лилась и продолжает литься целыми реками.

Многие персонажи узнают в героях Достоевского самих себя. Для них писатель превратился в кривое зеркало.

Чего стоит одно лишь высказывание небезызвестного «отца прихватизации» Анатолия Чубайса, сделанное им в 2004 году на страницах «Российской газеты»: «Вот знаете, я перечитывал Достоевского в последние три месяца. И я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских, как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывает у меня желание разорвать его на куски».

Влияние Ф. М. Достоевского на современное общество столь огромно и так невыгодно властителям мира, что целая армия его хулителей, словно бешеные псы, не умолкая, лают на него из своих конур и подворотен.

Один из них, И. Кипервас, подвергает всё творчество Ф. М. Достоевского беспощадной критике, утверждая, что на всех произведениях писателя лежит печать «эпилептоидной личности»: вязкость, излишняя детализация, слащавость в соединении с жестокостью, фанатичная религиозность.

Беспощадно бичует творчество Ф. М. Достоевского профессор В. П. Эфроимсон, обвиняя «порочную генетику» Достоевского и его болезнь — эпилепсию. В своих опусах он выводит даже подзаголовок: «Патологическая специфика творчества Ф. М. Достоевского».

Камня на камне он не оставляет от литературных способностей писате-

ля, его художественного мастерства. «Бросается в глаза проецирование почти на всех персонажей необычайной вязкости и конкретности мышления, многослойной обстоятельности, мелочности с постоянной утратой главного, — глубокомысленно вещает автор, не имеющий никакого литературного образования. — Вторая особенность — это совершенная алогичность, обнажённая импульсивность, патологичность поведения. Третья особенность творчества Достоевского — систематическое, садистское проведение персонажей через все круги Дантова ада унижений». От В. П. Эфроимсона достается «на орехи» всем героям произведений писателя. «Кунсткамера дураков и ничтожеств [в произведениях Достоевского] бесконечна», — заключает автор.

Однако В. П. Эфроимсон забывает, что героев своих произведений писатель всегда находил в реальной жизни. Это — не вымышленные персонажи, они взяты из действительности России, где были (и существуют сейчас) миллионы таких униженных и оскорблённых, миллионы простых людей, которых Эфроимсон именует «ничтожествами».

Современные критики Достоевского утверждают, что он в своих произведениях проявляет по отношению к своим героям «жестокость и садизм». Это ошибочное мнение не ново.

Ещё при жизни писателя, в 1880 году, критик Н. Михайловский написал статью о литературном творчестве Достоевского с оскорбительным заголовком: «Жестокый талант». Обвиняя Достоевского в «жестокости и садизме», Н. Михайловский пишет: «Мы не только не видим в нём боли за оскорблённых и униженных, а напротив видим какое-то инстинктивное стремление причинить боль этому униженному и оскорблённому». Мол, Достоевский де сознательно унижает своих героев, и в этом чувствуется его извращённость и патология, обусловленная болезнью.

Всё ясно. И критики прошлого, и современные продолжатели их «чёрного» дела пытаются всё свалить на болезнь писателя. Объявить его сумасшедшим, а его произведения — «бредом психических ненормальных человека». Поэтому мы вынуждены начать разговор о болезни гениального писателя и мыслителя — его эпилепсии.

Эпилепсия («падучая болезнь») — тяжелое нервно-психическое заболевание, которое протекает в виде судорожных припадков с потерей сознания и (иногда) с изменениями личности.

Первый приступ эпилепсии случился у Фёдора Достоевского в Петербурге, когда он был курсантом военно-инженерного училища, после

получения известия об убийстве отца крепостными крестьянами в 1839 году.

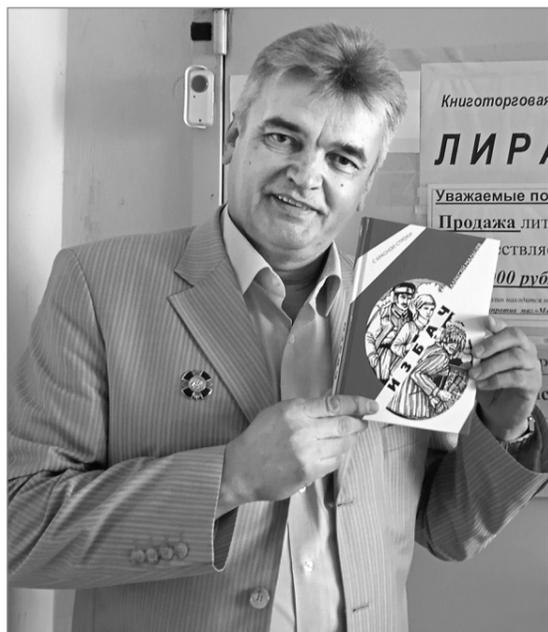
Врач С. Д. Яновский был свидетелем припадков «падучей» у Достоевского в 1840-х годах, а писатель Д. В. Григорович лично наблюдал у Достоевского «припадок настолько сильный, что с помощью прохожих был вынужден перенести Достоевского в ближайшую лавку и насилу привести его в чувство».

Ф. М. Достоевский свою болезнь называл «кондрашка с ветерком», по причине ауры (предвестников). Н. Н. Страхов записал слова Достоевского об ауре: «Перед началом припадков на несколько мгновений я испытываю такое счастье, которое невозможно в обыкновенном состоянии и о котором не имеют понятия другие люди. Я чувствую полную гармонию в себе и во всём мире, и это чувство так сильно и сладко, что за несколько секунд такого блаженства можно отдать 10 лет жизни». Однако вслед за аурой следовал и сам припадок с потерей сознания, падением, судорогами. Вторая жена писателя, А. Г. Достоевская-Сниткина, писала, как её поразили первый увиденный припадок эпилепсии у мужа, свидетелем которого она была, поразили нечеловеческий крик, вопль, который всегда в будущем «потрясал и пугал» её.

Припадки эпилепсии у Достоевского бывали в среднем 1 раз в 3 недели, но иногда чаще, и днём, и ночью. Временами он предчувствовал приближение припадков (по ауре) и принимал меры против падения и ушибов. Но иногда припадок «падучей» возникал так внезапно, что он падал, получая ушибы головы и даже ранения. В 1866 году Достоевский получил ранение правого глаза, но зрение удалось сохранить. Ранения лба, волосистой части головы, тела он получал при падениях во время припадков в 1850, 1870, 1874, 1876 и 1880 годах. После припадков всегда сильно болела голова, нарушалось душевное равновесие. После судорожного приступа «дурное расположение духа продолжалось несколько дней — до недели и больше... ипохондрия, угрызение совести, чувство виновности и всегда страх смерти», — писал Достоевский. Страх смерти во многом был связан с возможностью асфиксии (удушения) во время припадков.

В дневниках Ф. М. Достоевского и воспоминаниях современников мы нашли описание 106 больших (полных) и тяжёлых припадков эпилепсии Достоевского, когда он терял сознание. Безусловно, далеко не все приступы эпилепсии были описаны больным и его окружением.

Окончание следует

■ КНИЖНАЯ ПОЛКА

НА ДВОРЕ — 1930-Й

У пермской прозы — пополнение! В октябре 2021 года в московском издательстве «Руда» вышел новый роман Алексея Мальцева «Избач». История, начатая в книге «Рок-клад», получила неожиданное продолжение.

Нашедший кулацкие сокровища Фёдор Чепцов спасает жизнь нового начальника ГПУ, становясь, таким образом, его другом. Сможет ли наш герой переступить через всё, что пережил, перетерпел, потерял? Впору ли ему придётся «новая рубашка»?

Отправившись освобождать ночью своего земляка, Фёдор не мог предполагать, чем эта ночь для него закончится. Только что освобождённого кто-то жестоко убивает, загадочно сверкнув в лунном свете единственным глазом. Тем временем в деревне творится необъяснимое: в одну из ночей на заборе появляется мёртвая голова секретаря партячейки, а

единственный в деревне тракторист вдруг переворачивается в овраг вместе с трактором. В центре разыгравшейся вакханалии — до боли кого-то напоминающий одноглазый бандит, появляющийся то там, то тут и наводящий ужас на колхозников. И, как ни странно, юная комсомолка, пытающаяся разобраться в своих сердечных чувствах и сочиняющая при этом доверчивые стихи. Есть ещё сын убитого священника, который неожиданно забывает про церковь и становится избачом...

Кажется, ближе всех к разгадке приближается местный фельдшер, но одноглазый опережает и его...

Как утверждает Алексей Мальцев, самое сложное при работе над романом было сохранить непредвзятость в изображении событий почти вековой давности, чтобы читатель не почувствовал — на чьей стороне симпатии автора, кого он оправдывает, а кого нет. Хотя от идеологических установок, увы, никуда не деться, о них спотыкаешься буквально на каждом шагу... Ведь на дворе — 1930-й год!

Галина СТАРКОВА, г. Пермь

НА РАДОСТЬ ЛЮБИТЕЛЯМ ХОРОШЕГО ЧТЕНИЯ

В 2021 году серия «Антология пермской литературы» подросла. В прошлом номере газеты мы рассказали о сборнике стихотворений Наталии Гумеровой, сегодня речь о поэзии Алексея Мальцева и о прозе Галины Шестаковой и Геннадия Вершинина.

У автора Галины Шестаковой вышла книга с необычным названием «Хрущёба № 17».

Обыватели. Слово это — какое-то дореволюционное. Именно в это время и начинается история «Хрущёбы № 17». Как? В это время хрущёвок

и в помине-то не было, скажите вы. Но эта история тем и занимательна. И начинаясь в ту давнюю, старорежимную пору с любви Гришки Слямзина, она приводит нас к большим и маленьким историям жителей уездного города П.

Смешным и грустным, а иногда и вовсе трагическим историям, канва которых дотягивается до сего дня, будучи изложенными умно, интеллигентно, с мягким юмором почти родственной любви к обывателям провинциального города известной писательницей из Перми Галиной Шестаковой в 31-м томе «Антологии пермской литературы» для читателей старше 16 лет.

Предлагаемый читателю стихотворный сборник «Пунктир габаритных огней» широко известного писателя из Перми Алексея Мальцева отличает жизненно актуальная тематическая широта. Поэт с пронзительной остротой раскрывает бытийно-философскую составляющую нашей жизни, которая исполнена горестями утрат, радостью новизны, печалью воспоминаний о неповторимом, но ушедшем...

При этом улавливает в суетности и сиюминутности городской неразберихи сугубо медицинские ассоциации (градусник телебашни, например), порождённые, казалось бы, личным опытом автора, но приближающие нас к граням бытийной действительности.

В строках о любви к женщине ему удаётся сохранить трепет и нерешительность юности, а в светлой грусти осенних уральских пейзажей — прикоснуться к традиционным устоям славянства. Мальцев находит поэзию там, где мы проходим по сто раз за день, ничего не замечая.

Сборник стихотворений выходит в год шестидесятилетия автора. Может быть, поэтому он наиболее полно на данный момент представляет творческий результат работы поэта Алексея Васильевича Мальцева. Книга предназначена читателю старше 16 лет.

В новой книге «Солнечный вагон» пермский прозаик Геннадий Вершинин предстаёт как многожанровый писатель. Так, в написанном с большой любовью к малой родине очерке «Зарёка ты моя, Зарёка...» автор выступает в роли краеведа. Тему малой родины раскрывает и повесть «Живая вода», но она уже написана пером писателя-фантаста. В ней автор пытается создать мир, в котором был бы счастлив каждый. А счастье, в его понимании, когда ря-

дом люди — добрые и работающие, чуткие и совестливые, преданные родному краю. В жанре юмористического рассказа написаны «Лапшеллеры», «Подарок Деда Мороза», «Медвежатник», «Романтическое свидание», «Импичмент». Есть в книге и сказки для детей и взрослых — «Юля, Рома и Гриза», «Медведь и Таймень». Название книги (по одноимённому рассказу «Солнечный вагон») не случайно: теплом и светом пронизано большинство произведений Геннадия Вершинина. Издание адресовано широкому кругу читателей старше 16 лет.

■ СОТРУДНИЧЕСТВО

ПЕРМСКИЕ ПИСАТЕЛИ В «СУВОРОВСКИХ ЧТЕНИЯХ». Встреча первая. «Не забывай»

В 2021/22 учебном году для обучающихся 6-х классов Пермского суворовского военного училища запущен цикл внеурочных мероприятий «Суворовские чтения». Основные задачи — поддержка интереса суворовцев к чтению, к книгам, содействие развитию читательской грамотности, популяризация произведений пермских профессиональных литераторов.

«Не забывай» так была названа первая встреча с юными суворовцами, которая состоялась 28 сентября. Её основой стал сборник рассказов и стихотворений для детей и юношества пермского писателя А. С. Зеленина «Не забывай (про войну)».

Выбор книги не случаен. В этом году россияне отметили 76-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне. Всё меньше остаётся ветеранов, всё реже в семьях вспоминают о войне. Дети, которые обучаются в суворовских, нахимовских, кадетских училищах — все те, кто мечтает стать военным, должны знать о войне много больше других. И вот тут интерес ребят к военной теме (и в целом к книге) должен поддерживаться педагогами.

...Первую встречу организовали в чайной комнате, правда, не за столами. Стулья решили расставить полукругом, чтобы видеть друг друга и экран телевизора с тематической презентацией.

На рабочей доске были вывешены фотографии с именами пермских писателей Владимира Воробьёва, Льва Давыдычева, Льва Кузьмина, Андрея Зеленина, Леонида Копко. И возник закономерный вопрос: «Как думаете, ребята, с кем состоится сегодня встреча?». «Неужели к нам писатели придут?!» — вопросом на вопрос ответили суворовцы. Затем ребята с улыбками вспоминали героев из детских книг: Капризку, Капитана Коко, несчастного второклассника и второгодника Ивана Семёнова.

Потом была очень серьёзная книга детского писателя А. С. Зеленина. И его рассказ «Что такое война». Ответ на этот вопрос у главной героини произведения — учительницы — свой: тяжёлый, как сама война. Комок вставал в горле при прочтении, слёзы выступали на глазах. И звенящая тишина стояла в комнате.

На вопрос «Для чего нужно знать историю и читать книги о войне?» первым вызвался ответить Максим Россихин. Немного наивно, но искренне он сказал: «Для того, чтобы помнить своих предков и с гордостью пройти в их честь с Бессмертным полком». «Мы живём благодаря не только своим родителям, но и благодаря тем людям, которые ради нас отдавали свои жизни», — практически словами из пролога книги ответил Дмитрий Светлаков.

Молодцы, суворовцы! Услышали, прочувствовали всё, что хотел донести до читателей Андрей Сергеевич Зеленин. И — самое главное: желание слушать, читать — знакомиться с новыми книгами, вспоминать уже известные произведения пермских писателей — у суворовцев не пропало. «Когда следующее мероприятие?» — спрашивали они перед тем, как покинуть чайную комнату.

Г. М. Гуцуляк,
педагог-организатор ПСВУ, ЗАТО Звёздный

■ СОТРУДНИЧЕСТВО

ЧУСОВСКИЕ «СОСЕДИ»

25 сентября в Чусовом (в Культурно-деловом центре) прошёл необычный фестиваль с интригующим названием «Соседи». На целый день здание КДЦ «превратилось» в многоквартирный дом для хозяев и гостей. Юные и взрослые чусовляне, губахинцы, пермяки могли выбрать себе «квартиру» по душе. А там...

В «Квартире» под названием «Вестибюль» всех встречали начальник управления культуры, молодёжной политики и туризма администрации Чусовского городского округа Дмитрий Львович Акинфиев и заместитель генерального директора ГКБУК ПДНТ «Губерния» Ксения Георгиевна Россихина. Открыв фестиваль, они предоставили площадку коллективам и солистам Чусовского культурно-делового центра.

В «Квартире артистов» благодарные зрители аплодировали губахинскому молодёжному театру «Доминанта», показавшему спектакль «Ближние». В «Квартире мастеров» прошла ярмарка народного творчества. В «Квартире многодетной семьи» интерактивная программа «Путешествие по городу» порадовала детей и родителей.

Ну а, пожалуй, самое главное действие состоялось в «Квартире писателей». Директор Чусовской центральной библиотеки имени А. С. Пушкина Светлана Алексеевна Каюрина подвела итоги чусовского конкурса «Лучшая читающая семья». Победителям были вручены книги. Главной наградой для всех стала встреча с настоящим детским писателем, членом Союза писателей России, лауреатом нескольких литературных премий Андреем Сергеевичем Зелениным. Жизненные истории, стихотворения, рассказы из уст интересного автора заставляли некоторых слушателей открывать от удовольствия и удивления рты, а потом громко и долго аплодировать. И, конечно, в конце встречи были автографы и фотосессия с писателем. «Приезжайте к нам ещё. Вы такой интересный!» — говорили А. С. Зеленину и дети, и взрослые.

Фестиваль «Соседи» завершился Всероссийским фестивалем уличного кино. Всё было здорово! Ждём продолжения замечательного фестиваля и новых гостей.

Андрей ГРИГОРЬЕВ, г. Чусовой

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Пермская краевая общественная организация Союза писателей России Газета «ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Пермскому краю. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 59-0576 от 26.08.2011. ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР — В. В. Якушев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. А. Богомолов — отдел прозы
А. Г. Гребнев — отдел поэзии
А. С. Зеленин — отдел детской литературы
И. Н. Тюленев — отдел международных связей
Ответственный секретарь — А. С. Зеленин
Верстка — С. Э. Неведомская

АДРЕС РЕДАКЦИИ / ИЗДАТЕЛЯ:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30, Дом писателя.
Телефоны: 8 (342) 212 14 97, 212 43 28.
E-mail: permsprossii@rambler.ru
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Все материалы принимаются в электронном виде.

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА «ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» № 3 (41), 2021 г. Подписано в печать 11.10.2021. По графику: 16.00. Фактически: 16.00. Заказ № 1829. Тираж 1000 экз. Газета отпечатана в ООО «ЛИТЕРА», 614540, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17.

Газета распространяется бесплатно.